

ПОЭТИКА

О.И. Плешкова¹

Алтайский государственный педагогический университет

КОМИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕЛЕСНОСТИ В РАССКАЗЕ Ю.Н. ТЫНЯНОВА «МАЛОЛЕТНЫЙ ВИТУШИШНИКОВ»

В центре исследования – рассказ Ю.Н. Тынянова «Малолетный Витушишников» (1933). Цель исследования – анализ и интерпретация комического модуса повести. Задача исследования – выявление способов передачи комического. Методы исследования – структурно-семиотический и сравнительно-функциональный. Основные результаты: впервые выявлена функция телесных образов в рассказе «Малолетный Витушишников». Комический жанровый концепт эротического анекдота рассмотрен как конструктивный принцип рассказа Ю.Н. Тынянова.

Ключевые слова: Ю.Н. Тынянов, пародия, комизм, анекдот, телесность, художественный образ.

O.I. Pleshkova

Altai State Pedagogical University

COMIC INTERPRETATION OF CORPORALITY IN YU. N. TYNYANOV'S STORY «UNDER-AGE VITUSHISHNIKOV»

The main subject of this article is Yu. N. Tyntyanov's story «Under-age Vitushishnikov» (1933). The purpose of the research is an analysis and the interpretation of a comic modus of the story. Research problem is identification of ways to transfer the comic effect. Methods of the research are structural-semiotic and comparative-functional text analysis. The main result of the research: for the first time function of corporal images in the story «Under-age Vitushishnikov» is revealed.

Key words: Yu. N. Tyntyanov, artistic image, parody, comic, joke, corporality.

Исследователи неоднократно писали об авторской иронии Ю.Н. Тынянова в его художественных произведениях об исторических лица

¹ Ольга Игоревна Плешкова, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики начального образования Алтайского государственного педагогического университета.

– императорах, писателях и поэтах. Так, З.Н. Поляк назвала иронию «конструктивным элементом стиля Ю. Тынянова», что, по мнению исследователя, во многом связано с обнажением позиции автора-повествователя [Поляк, 1980, с. 30]. Однако авторская ирония присуща не всем произведениям писателя, и наиболее полно проявляется в так называемых «петербургских повестях» Тынянова: «Подпоручик Киж» (1928), «Восковая персона» (1931), «Малолетный Витушишников» (1933). Это обусловлено жанровым конструктом исторического анекдота, лежащего в основе данных произведений и предполагающего изображение известного исторического деятеля в неофициальной обстановке, за так называемыми «негосударственными делами» [Никанорова, 2001; Плешкова, 2018, с. 81-100]. Следует отметить, что жанровый конструкт исторического анекдота в системе «петербургских повестей» Тынянова трансформируется, приближаясь к жанру современного анекдота, который строится на варьировании комической ситуации, часто выстроенной на основе каких-либо двусмысленностей и включающей фривольности, ненормативную лексику и пр. [Курганов, 1997; Зазыкин, 2007; Рюмина, 2010].

В наибольшей степени, по мнению исследователей, авторская ирония проявляется в «Малолетном Витушишникове»: неоднократно отмечено ироническое отношение автора к герою – Николаю I, высвечивающее неспособность императора руководить машиной государства (император – пешка в руках придворных, приближённых), а также ироническое «вплетение воли случая» в государственное правление¹. По мнению В.И. Новикова, в рассказе «Малолетный Витушишников» «иронически заострён мотив случайности, нередко лежащей в основе крупных политических событий». Выведенный в рассказе Николай I предстает игрушкой в руках судьбы, а случайная встреча царя с верноподданным подростком по ходу сюжета обрастает множеством легендарных версий, полностью вытесняющих реальную суть происшедшего. Такой же иронией, по мнению В.И. Новикова, проникнуты многие прозаические миниатюры Тынянова, которые он намеревался объединить в цикл «Моральные рассказы» [Новиков, 2000, с. 697-699].

¹ Так, например, в ставших классическими комментариях Б. Костелянца к произведениям Тынянова говорится об иронической концепции и стилистике рассказа, «изображающего великий страх, вызываемый приставом, за которого принимают царя. Он же, с его системой управления людьми, показан здесь человеком, которым легко управляют другие лица» [Костелянец, 1985; с. 537].

Однако говоря об «ироническом интонировании» и «смене повествовательных масок» в «Малолетном Витушишникове» [Поляк, 1985], исследователи до сих пор обходили стороной немаловажный аспект, позволяющий по-новому высветить комический модус повествования, а именно – комическую интерпретацию телесности, восходящую к жанру бытового, фольклорного анекдота.

Следует отметить организующую концептуальность телесности во всех трёх «петербургских повестях» Тынянова. Так, в «Подпоручике Кижее» *тело* героя – фикция, нечто несуществующее, которое, однако, рождается, живёт, умирает и даже проходит обряд похорон, в несуразности, абсурдности чего и выступает комическая составляющая этой повести [Плешкова, 2010]. В «Восковой персоне» моделируется подобие тела императора, метафорического заместителя, искусно созданного мастером Растрелли. Интерпретация телесности в «Восковой персоне» трагикомична. Особенно это характерно для эпизодов, раскрывающих мысли и чувства ещё живого царя Петра, уже не воленого над своим телом и не способного справиться даже с тараканом, а также в так называемых «посмертных» эпизодах, изображающих реакцию приближённых на мёртвое тело царя (испуг Ягужинского, неискренность, балаганность плачущей Екатерины, актуализация её низких, плотских страстей и пр.) [Плешкова, 2018, с.169-179].

Совершенно иная интерпретация телесности представлена в рассказе «Малолетный Витушишников». В центре внимания автора здесь, на наш взгляд, – живое тело, плоть императора Николая I, позволяющая акцентировать в образе героя мужское начало, позиционировать его как мужчину, героя-любовника, иногда, в ряде случаев, терпящего неудачи в интимной сфере. Внимание к телесности героя-императора позволяет по-новому интерпретировать его образ, что, в целом, созвучно задачам Тынянова – создателя особых, авторских концепций известных исторических лиц. Внимание к телесности в «Малолетном Витушишникове» обнаруживается в первом издании (1933) и в других изданиях 1930-х гг. В редакциях произведений, изданных после смерти Тынянова, ряд предложений и даже фрагменты текста оказываются исключёнными из повествования, что, в свою очередь и мотивирует интерпретацию образа императора Николая I только как игрушки в руках случая, в то время как первое издание предполагало и другие векторы рассмотрения этого образа.

Следует отметить, что проблема различий редакций тыняновской малой прозы поднималась исследователями. В частности, Д. Матвеева, в анализе «Подпоручика Кижее», пришла к выводу, что

редактирование автора было намеренным, не имело какой-либо политической окраски и позволяло «сделать вывод об усложнении отношений между различными уровнями текста» [Матвеева, 2014, с. 134]. Соотнесение поэтики рассказа с научной мыслью Тынянова, по мнению исследователя, позволяет говорить об эволюции концепций писателя-литературоведа, отраженных в художественной прозе, где на первый план выдвинут язык произведения, стилистически воссоздающий язык эпохи [Матвеева, 2014].

Возникновение комического аспекта телесности в рассказе Тынянова «Малолетный Витушишников» видится нам пародическим преломлением бытового, внелитературного факта – начавшимся в официальном советском искусстве контроля над телесностью. Так, по мнению Г. Кабаковой и др., в советском искусстве 1930-х начинает табуироваться всякий намёк на сексуальность, и при изображении нагого мужского тела воспевается только физическая мощь строителя нового мира – в данном случае – коммунизма [Тело в русской культуре, 2005, с. 12]. Последующая стилистическая трансформация «Малолетного Витушишникова», на наш взгляд, во многом мотивирована эпохой усложнившейся политической ситуации 1930-х гг., унифицирующей / нивелирующей какие-либо телесные проявления. А авторство редакторских правок рассказа, вариант которого зафиксирован в первом трёхтомном собрании сочинений Ю.Н. Тынянова (1959) и повторяется во всех последующих изданиях, ещё требует уточнения. В нашей работе внимание сосредоточено на вариациях комического, мотивированного репрезентацией телесных конструктивных элементов рассказа «Малолетный Витушишников», изданного при жизни автора, в 1933 году.

Понятие телесности, по утверждению исследователей, являющееся актуальным в современной философии постмодернизма, но, «не получившее однозначной терминологической фиксации и именуемое по-разному у различных теоретиков», используется нами в контексте такого синонимического ряда, как «эротичность», «чувственность», «физичность», «материальность» [Ильин, 2001; Тело в русской культуре, 2005; Дискурсы телесности, 2008].

Итак, в «Малолетном Витушишникове» благодаря иронии речевой манеры автора-рассказчика наиболее ярко (в отличие от других произведений Тынянова) моделируется ситуация беспристрастного рассказывания, обнажающая жанровый конструкт современного, не исторического анекдота. Император Николай I, принимающий важные государственные решения, позиционируется здесь как герой-любовник. Классический анекдотизм ситуаций

первоначального варианта повести¹ способствует подчёркиванию эротизма царя и его окружения, что и проявляется в различных вариациях проявления телесно-чувственного начала.

Так, например, в начале произведения сразу возникает образ изнеможенного тела императора, помещённого в особое пространство, называемое автором «походной комнатой» или «*боевым кабинетом*»¹ [Тынянов, 1933, с. 5-6]. Необычно семантическое наполнение прилагательного «боевой», применяемого как к *боевому* кабинету, так и к *боевой* постели. В частности, рассказчиком упоминается, что в «боевой кабинет» император вынужден уединяться после отягощения семейными и государственными делами. В целом, прилагательное «боевой» (с учётом того, что, со слов рассказчика, «похода не было») в системе таких лексико-синтаксических конструкций, как *боевой кабинет*, *боевая постель*, *отлучение от ложа*, – принимает функцию эпитета, наполняющегося эротической семантикой: *боевое ложе* – страстное ложе любви. Дальнейшие действия проснувшегося на боевой постели императора подчёркивают его стремление привести в порядок своё тело, не только для поддержания здоровья, но и привлекательности, мужской красоты – необходимого атрибута героя-любownika: «Проведя ночь на боевой постели, он обычно вставал полный решимости. Всегда умывался холодной “солдатской” водой, растирал главные мускулы тела и несколько секунд гладил то место, под которым должна быть грудобрюшная преграда. Предложение лейб-медика Мандта для снятия излишнего слоя» [Тынянов, 1933, с. 6]. Значимо, что в начале повести Тынянова император просыпается один, без женщины, что было бы логично при наличии у императора семьи. Этот акт обращает к прямому, номинативному значению лексемы «боевой» – «походный», однако, воссоединение поссорившихся любовников – императора Николая и фрейлины двора Вареньки Нелидовой именно в пространстве боевого кабинета, куда вызывает героиню император по телеграфному аппарату (в тексте дословно: «домогается») [Тынянов, 1933, с. 120], подтверждает авторский вектор интерпретации боевого кабинета как пространства страстных любовных утех: «Варенька Нелидова вернулась к дисциплине. Простая, даже суровая обстановка походного, боевого кабинета императора придала сцене примирения особую значимость» [Тынянов, 1933, с.122].

Ссора императора, мотивированная необдуманно разглашением тайны беременности его возлюбленной, вновь обращает

¹ Курсив везде наш. – О.П.

внимание на комическое варьирование телесности. Задание художникам проектирования форменной одежды для кормилицы, обдумывание будущего герба и фамилии ребёнка подталкивает окружающих к раскрытию тайны, и, как отмечает рассказчик: «Вареньку Нелидову вдруг стали поздравлять, и дело получило широкую огласку» [Тынянов, 1933, с. 11]. Ироническим и – в целом – глупым выглядит стремление будущего отца повлиять на внешность ребёнка. Так, иронически-сниженным видится образ императора, разрабатывающего режим дня будущей матери: «Она должна ежедневно гулять по Аполлоновой зале или по Эрмитажу не менее часу. Окружённая со всех сторон статуями, видя вокруг себя мраморные торсы, будучи сама таким образом центром изящества, молодая мать может произвести только изящное» [Тынянов, 1933, с. 9].

Важным моментом, демонстрирующим проявление жестовой телесности, видится попытка императора на следующее утро после ссоры с любовницей уладить конфликт. Телеграфирование императора Нелидовой, её ответные реплики имеют значимые редакторские отличия, и в издании 1933 года указывают на женское естество, женскую плоть:

– Ваше величество...

<...>

–...Оставьте...

<...>

–...меня...

<...>

–...в покое... [Тынянов, 1933, с. 7].

Упоминание позы императора, который с длинным карандашом в руке расшифровывает значение слов, позволяет подчеркнуть его недалёкость, неискущённость, поскольку фраза, которую телеграфирует ему Варенька Нелидова, достаточна избитая, входит в стандартный набор ссорящихся близких людей. В данном случае – любовников. Только расшифровав последнее слово «в покое», император оставляет карандаш и хмурится, что указывает на внезапно дошедшую до него мысль о продолжении ссоры с любовницей. Таким образом, телесные проявления императора в данном случае позволяют интерпретировать его образ как незадачливого любовника.

В последующих изданиях повести ответы Нелидовой:

– Ваше величество...

–...увольте...

–...на покой... [Тынянов, 1985, с. 460], – получают иной смысл,

указывая в системе текста на прошение героини об уходе с должности (как «уход на пенсию»).

Значимым проявлением телесного начала видится и сам образ фрейлины Нелидовой, телесность которой, благодаря беспристрастному рассказчику, получает иронический модус. Выбор любовницы императором, как оказывается, мотивирован, с одной стороны, её внешностью: «Будучи образцовым, являясь по самому положению образцом, император желал одного: быть окружённым образцами. Варенька Нелидова была не только статна фигурой и правильна чертами, но в ней император как бы почерпал уверенность в том, как всё кругом развилось и гигантскими шагами пошло вперёд... <она> была великолепно спокойного роста, с бледной мраморностью членов и с тою уменьшенной в отношении к корпусу головой, в которой император видел действие и залог породы» [Тынянов, 1933, с. 8]. С другой стороны, выбор любовницы императором мотивирован преемственностью (!), что, несомненно, также иронически освещает любовную ситуацию («она была племянницей любимицы отца его, также фрейлины Нелидовой, – что, как человека, его вполне оправдывало...» [Тынянов, 1933, с. 9]).

В главе 7, рассказывающей о поездке императора по Невскому проспекту, ирония возникает в самом начале, где в императорском размышлении совмещаются «государственное» и «интимное»: «Ни одной минуты не должно быть потеряно даром. Разве заехать к вдове полкового командира Измайловского полка...» [Тынянов, 1933, с. 24]. Далее мысли царя, едущего по Невскому проспекту, имеют любопытное графическое оформление, представляющее некую орнаментальную мозаику, что соответствует, с одной стороны, орнаментальности стиля Тынянова, с другой – кинематографичности его прозы. Мысли императора представляют отдельно оформленные, разделённые отрывки: среди 13 коротких отрывков две реплики связаны с восприятием женского пола, что подчёркивает, обнажающим физиологическое начало в императоре.

Превосходный мороз. Движение на Невском проспекте далеко, далеко зашло....

Ах, какая – в рюмочку, и должна быть розовая... Ого!

Поклоны, фронт.

А эта... вон там... формы! Вольно, вольно, малютка! [Тынянов, 1933, с. 26-27].

Эпизод в таможне, которую посещает император, также не лишён проявления телесного начала, иронически освещающего императорскую персону. Так, разбирая различную корреспонденцию, император обращает внимание на книги «дурного тона», «сборник грязных анекдотов с изображениями женщин, у которых виднелись из-под юбок чулки» [Тынянов, 1933, с. 30-31]¹. Особое внимание – к эпизоду с посылкой на адрес министерства, где оказывается целый набор для приятного времяпрепровождения. Обращает внимание количество вещей, что гиперболизирует отчасти эротический потенциал получателя посылки – шефа жандармов графа Орлова. Так, в посылке находятся: «сорочки женские шёлковые, штук: тридцать»; «одеяла ватные, шёлковые, с кистями, штук: пятнадцать», «зеркала филигрань», «чулков женских шёлковых – пар – дюжин – восемь». Реплика императора по поводу увиденного – «Свинья!» и его дальнейшее указание отправить всё содержимое посылки лично на адрес графа Орлова также подчёркивает эротическое значение «официального пакета» и делает одновременно императора своеобразным самцом-соперником, что вновь работает на анекдотическую структуру образа. На соперничество уязвлённого самца указывает поза вожака, которую принимает Император: «И большими шагами, производя звон большими шпорами, ещё возвысаясь в росте, император, посмотрев на всех, удалился в негодовании» [Тынянов, 1933, с. 32-33].

В повести представлена эротическая телесность не только императора, но и его приближённых, государственных деятелей и простых горожан, что в целом работает на комическую интерпретацию всего государства. Так, интимно связанными некоей Жанеттой с Искусственными минеральными вод оказываются министр Вронченко и биржевик Конаки. Рассуждения об умении Жанетты делать искусный массаж достаточно двусмысленны: «Между тем министр Вронченко, если и не засел в публичном доме на Мещанской, как о том ложно доносил французский агент, то во всяком случае, действительно, уделяя всё своё внимание и свободное время Жанетте с Искусственных минеральных вод, уже вернувшейся с гастролей и приступившей к исполнению своих петербургских обязанностей»

¹ Важно отметить, что эти книги предназначались в книжный магазин Андрея Иванова, где впоследствии будет издано в серии «Детства ста славных мужей» своеобразное жизнеописание малолетнего Витушишниковца. (здесь – антонимичность конструкций – пошлость и высококонравственность – рождает своеобразное ироническое освещение).

[Тынянов, 1933, с. 108].

Глава 37, повествующая о «фрейлинской части министерства двора», также наполнена эротико-телесными намёками, ироническими двусмысленностями, которые мотивируются девическим неведением фрейлин, переживающих за судьбу императора и Вареньки Нелидовой. Например, уточняется, что всем фрейлинам «снился император в разных видах» [Тынянов, 1933, с. 113]. Следует отметить, что эта фраза отсутствует в издании 1959 года и последующим за ним. Двусмысленность фрейлинской части двора придают не только поступки, но и архитектурные, интерьерные детали. Так, любопытно упоминание введённой императором моды на остроконечную готику, в которую, как отмечается, «все фрейлины были влюблены» [Тынянов, 1933, с. 113]. Эротический подтекст видится и в факте установки императором во дворце лампад «крайне двусмысленного вида», вызывающих «на неопишемое сравнение», о котором «фрейлинам было раз и навсегда запрещено <...> думать» [Тынянов, 1933, с. 113], и, как отмечает беспристрастный рассказчик, «по своему призванию они даже не могли знать о предметах сравнения» [Тынянов, 1933, с. 113].

История с «малолетным Витушишниковым», имя которого вынесено в заглавие произведения, заслоняется эротическими подтекстами рассказа, как бы покрывая их. Образ ребёнка, «малолетного Витушишникова», якобы спасшего государя, пересекается в системе рассказа с образом беременной фрейлины. Лексема «ребёнок» варьируется и напоминает об интересном положении любовницы императора. Например, промышленник Родоканаки рассуждает: «Это другое дело. Это ребёнок» [Тынянов, 1933, с.103]. В конце 34 главы говорится, что «подписка на приобретение дома для чудо-ребёнка шла хорошо» [Тынянов, 1933, с.104]. Собственно, эпизод погони императора за солдатами, которые скрылись в «питейном заведении», его встреча с «малолетным Витушишниковым» также, как и гиперболизация эротизма, работает на снижение образа. Так, поведение часовых явно указывает на их разгильдяйство, но император не понимает двусмысленности их поведения и реплик. Так, подросток Витушишников находит «стражу» (т.е. часовых будочников) «в горячке», и говорит императорскому кучеру, что «послано за подлекарем» [Тынянов, 1933, с.146]. Однако, согласно беспристрастному рассказчику, Витушишников, «подойдя к будке градских стражей, нашёл стража в сильной слабости, качающегося на ногах и с бессвязной речью, который пояснил, что подчасок сейчас им послан не то за лекарем, не то за липовой, – о чём

доложено» [Тынянов, 1933, с. 52]. Иронический аспект вариации сюжета о часовых, внезапно застигнутых и испытанных императором, обнажается в финале рассказа, где вновь тоном беспристрастного историка рассказывается о последующей жизни малолетнего Витушишникова. Так, в разговоре «военного историка С.Н. Шубинского», редактора «Исторического Вестника», посетившего «ещё в 1880 году» «историческую будку с сохранившейся в целости памятной доской», описывается «страж», присутствующий ещё при посещении будки императором. Обращает внимание иронический оттенок описания «стража», пародирующий отчасти сентиментальные исторические описания: «Бодрый старик сидел за столом, на котором стояла деревянная тарелка с нарезанными ломтями хлеба и неприхотливый водочный настой на липовых почках» [Тынянов, 1933, с. 129]. Вновь упомянутые липовые почки позволяют констатировать факт не столько болезни часового в случае встречи с императором, сколько его опьянение. Перепутанность в речи «стража» реальных исторических фактов, моделирование бессвязности его речи (предложения синтаксически разорваны, отделяются многоточиями, грамматически не согласованы), завершающее фактически повествование об императоре, позволяют утверждать нелогичность и сумбурность изложенного факта, наделяя образ государя ироническим смыслом.

Однако в финале рассказа говорится о «сильной натуре императора, которая не выдержала напряжения» и начала «домогаться» немедленного прибытия фрейлины двора Варвары Аркадьевны Нелидовой. Встреча прибывшей фрейлины в пространство «боевого кабинета» императора возвращает к началу произведения и подчёркивает двусмысленность эпитета «боевой», вносящем семантику страстности, необузданности (к боевым действиям, как уже было отмечено, приравниваются действия на ложе любви).

Таким образом, поэтика телесности в повести «Малолетний Витушишников», обнаруживаемая на уровне различных героев, где главным выступает император, действительно, приближает повествование Ю.Н. Тынянова к жанровому конструкту анекдота. В образе государя-императора утрачена традиционная сакральность, и он предстаёт обычным человеком. Подобный ракурс изображения государственного лица в начале 1930-х годов, времени начала страшной эпохи в истории России, позволяло демонстрировать известную аксиому «смех против страха». Эротически-телесное начало, ставшее проводником комического в рассказе Ю.Н. Тынянова

«Малолетний Витушишников», было концептуально противопоставлено страху и серьезности обыденной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дискурсы телесности и эротизма в литературе и культуре:

Эпоха модернизма / Сб. статей под ред. Дениса Г. Иоффе. – Москва: Ладомир, 2008. – 523 с.

Зызыкин, В. И. О природе смеха: По материалам русского эротического фольклора / В.И. Зызыкин. – Москва: Ладомир, 2007. – 266 с.

Ильин, И. П. Телесность / И.П. Ильин // Постмодернизм. Словарь терминов. – Москва: ИНИОН РАН – INTRADA, 2001. – С. 299-303.

Костелянец, Б. Драма истории. Её жертвы и герои. Комментарии / Б. Костелянец // Ю.Н. Тынянов. Сочинения: в 2 т. Т. 1. – Ленинград: Художественная литература, 1985. – С. 5-30, 506-540.

Курганов, Е. Анекдот как жанр / Е. Курганов. – Санкт-Петербург: Академический проект, 1997. – 123 с.

Матвеева, Д. А. Редакции рассказа «Подпоручик Киж» Ю.Н. Тынянова / Д.А. Матвеева // Сибирский филологический журнал. – 2014. – № 3. – С. 129-135.

Никанорова, Е. К. Исторический анекдот в русской литературе XVIII века. Анекдоты о Петре Великом / Е.К. Никанорова. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – 468 с.

Новиков, В. И. Тынянов / В.И. Новиков // Русские писатели XX века. Биографический словарь / Гл. ред. и сост. П.А. Николаев – Москва: Большая Российская энциклопедия; Рандеву – АМ, 2000. – С. 697-699.

Плешкова, О. И. Петербургские повести Ю.Н. Тынянова в свете его теории литературной эволюции / О.И. Плешкова // Мир науки, культуры, образования: международный научный журнал. – 2010. – № 6 (25) (декабрь). Ч. 1. – С. 49-52.

Плешкова, О. Повесть Ю.Н. Тынянова «Восковая персона» в аспекте теории литературной эволюции / О.И. Плешкова. – Барнаул: АлтГПУ, 2017. – 238 с.

Поляк, З. Н. Ироническая тональность рассказа Ю. Тынянова «Малолетний Витушишников» / З.Н. Поляк // Вопросы поэтики художественного произведения: тематический сборник. – Алма-Ата: Казахский пед. ин-т им. Абая, 1980. – С. 30-37.

Поляк, З. Н. Художественная интерпретация факта в исторической прозе Ю.Н. Тынянова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: (10.01.02). / З. Н. Поляк. – Томск: Томский гос. ун-т, 1985. – 25 с.

Рюмина М. Т. Эстетика смеха: Смех как виртуальная реальность. Изд. 3-е / М.Т. Рюмина. – Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 320 с.

Тело в русской культуре. Сборник статей / Сост. Г. Кабакова и Ф. Конт. – Москва: Новое литературное обозрение, 2005. – 400 с.

Тынянов, Ю. Н. Малолетний Витушишников / Ю.Н. Тынянов. – Ленинград: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. – 130 с.

Тынянов, Ю. Н. Малолетний Витушишников / Ю.Н. Тынянов // Тынянов Ю.Н. Сочинения: в 3 т. Т. 1. / Вст. ст. Б. Костелянца. – Москва-Ленинград: Гослитиздат (Ленинградское отделение), 1959. – С. 467-521.

Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю.Н. Тынянов. Москва: Наука, 1977. – 576 с.

Тынянов, Ю. Н. Малолетний Витушишников / Ю.Н. Тынянов // Тынянов Ю.Н. Сочинения: в 2 т. Т. 1. – Ленинград: Художественная литература, 1985. – С. 457-506.

Тынянов, Ю. Н. Сочинения: в 3 т. Т. 1. / Ю.Н. Тынянов / Вст. ст. Б. Костелянца. – Москва: ТЕППА, 1994. – 616 с.

REFERENCES:

Diskursy telesnosti i erotizma v literature i kulture: Epokha modernizma / Sb. statey pod red. Denisa G. Ioffe. – Moskva: Lodomir. 2008. – 523 s.

Ilin, I. P. Telesnost / I. P. Ilin // Postmodernizm. Slovar terminov. – Moskva: INION RAN – INTRADA. 2001. – S. 299-303.

Kostelyanets, B. Drama istorii. Ee zhertvy i geroi. Kommentarii / B. Kostelyanets // Yu. N. Tynyanov. Sochineniya: v 2 t. Т. 1. – Ленинград: Hudozhestvennaya literatura. 1985. – S. 5-30, 506-540.

Kurganov, E. Anekdot kak zhanr / E. Kurganov. – Sankt-Peterburg: Akademicheskii proyekt, 1997. – 123 s.

Matveyeva, D. A. Redaktsii rasskaza «Podporuchik Kizhe» Yu. N. Tynyanova / D.A. Matveyeva // Sibirskiy filologicheskii zhurnal. – 2014. – № 3. – S. 129-135.

Nikanorova, E. K. Istoricheskii anekdot v russkoy literature XVIII veka. Anekdoty o Petre Velikom / E. K. Nikanorova. – Novosibirsk: Sibirskiy khronograf. 2001. – 468 s.

Novikov, V. I. Tynyanov / V. I. Novikov // Russkiye pisateli KhKh veka. Biograficheskiy slovar / Gl. red. i sost. P.A. Nikolayev. – Moskva: Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya; Randevu – AM. 2000. – S. 697-699.

Pleshkova, O. I. Peterburgskiy povesti Yu.N. Tynyanova v svete ego teorii literaturnoy evolyutsii / O.I. Pleshkova // Mir nauki. kultury. obrazovaniya: mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal. – 2010. – № 6 (25) (dekabr). ch. 1. – S. 49-52.

Pleshkova, O. Povest Yu.N. Tynyanova «Voskovaya persona» v aspekte teorii literaturnoy evolyutsii / O.I. Pleshkova. – Barnaul: AltGPU. 2017. – 238 s.

Polyak, Z. N. Ironicheskaya tonalnost rasskaza Yu. Tynyanova «Maloletnyy Vitushishnikov» / Z.N. Polyak // Voprosy poetiki khudozhestvennogo proizvedeniya: tematicheskii sbornik. – Alma-Ata: Kazakhskiy ped. in-t im. Abaya, 1980. – S. 30-37.

Polyak, Z. N. Khudozhestvennaya interpretatsiya fakta v istoricheskoy proze Yu. N. Tynyanova: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: (10.01.02). / Z.N. Polyak. – Tomsk: Tomskiy gos. un-t. 1985. – 25 s.

Ryumina, M. T. Estetika smekha: Smekh kak virtualnaya realnost. Izd. 3-e. – Moskva: Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2010. – 320 s.

Telo v russkoy kulture. Sbornik statey / Sost. G. Kabakova i F. Kont. – Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. 2005. – 400 s.

Tynyanov, Yu. N. Maloletnyy Vitushishnikov / Yu. N. Tynyaov. – Leningrad: Izd-vo pisateley v Leningrade, 1933. – 130 s.

Tynyanov, Yu. N. Maloletnyy Vitushishnikov / Yu. N. Tynyanov // Tynyanov Yu.N. Sochineniya: v 3 t. T. 1. / Vst. st. B. Kostelyantsa. – Moskva-Leningrad: Goslitizdat (Leningradskoye otdeleniye), 1959. – S. 467-521.

Tynyanov, Yu. N. Poetika. Istoriya literatury. Kino / Yu. N. Tynyanov. Moskva: Nauka. 1977. – 576 s.

Tynyanov, Yu. N. Maloletnyy Vitushishnikov / Yu. N. Tynyanov // Tynyanov Yu. N. Sochineniya: v 2 t. T. 1. – Leningrad: Hudojestvennaya literatura, 1985. – S. 457-506.

Tynyanov, Yu. N. Sochineniya: v 3 t. T. 1. / Yu. N. Tynyanov / Vst. st. B. Kostelyantsa. – Moskva: TERRA, 1994. – 616 s.

Zazykin, V. I. O prirode smekha: Po materialam russkogo eroticheskogo folklore / V.I. Zazykin. – Moskva: Ladimir. 2007. – 266 s.